

В-четвертых, особый правовой статус, соответствующий установленным ч. 2 ст. 3 и п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК пределам юрисдикции, имеют только военные корабли и приравненные к ним используемые для некоммерческих целей государственные суда, которые, исходя из требований ст. 27, 30–32 и 95 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982), независимо от местонахождения пользуются полным иммунитетом от юрисдикции любых государств, кроме государства регистрации (флага). На иные водные суда экстерриториальная юрисдикция государства регистрации (флага) распространяется не во всех случаях. В качестве общего правила международными договорами предусматривается юрисдикция государства регистрации (флага) в отношении его судов в пространствах с международным и смешанным правовыми режимами, а также в отдельных случаях в пределах территориального моря и внутренних вод иностранного государства.

Согласно ст. 14 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Литовской Республики о судоходстве по внутренним водным путям в случае совершения преступления членом экипажа судна одной стороны во время его пребывания на территории другой стороны уголовное преследование указанного члена экипажа осуществляется в соответствии с национальным законодательством государств сторон.

В соответствии со ст. 14 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о судоходстве по внутренним водным путям в случае совершения членом экипажа судна одной стороны правонарушения на борту этого судна во время его пребывания на внутренних водных путях другой стороны власти последней не преследуют указанного члена экипажа без согласия компетентного дипломатического или консульского должностного лица государства флага судна, кроме случаев, когда: последствия правонарушения распространяются на территорию государства, в котором находится судно; нарушаются общественное спокойствие, порядок и безопасность в этом государстве; правонарушение совершено против любого лица, не являющегося членом экипажа этого судна; преследование является необходимым условием для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами, оружием или психотропными веществами; совершено тяжкое преступление.

Ст. 4 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о судоходстве по внутренним водным путям установлено, что к судам, членам экипажей, пассажирам и грузам применяется законодательство того государства, на внутренних водных путях которого они находятся.

Из ст. 3 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Латвийской Республики об условиях транзита грузов Республики Беларусь с использованием портов и другой транспортной инфраструктуры Латвийской Республики следует, что в целях осуществления полного суверенитета над своей территорией Латвийская Республика, предоставляя свободу транзита, вправе принимать меры по недопущению ущемления ее законных интересов.

Предусмотренные международными договорами правила определения юрисдикции и исключения из них столь многообразны, что невозможно их закрепить в УПК путем перечисления. При этом согласно ч. 4 ст. 1 УПК наряду с этим кодексом в уголовном процессе применяются только те международные договоры Республики Беларусь, которые определяют права и свободы человека и гражданина, а согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь и ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» Республика Беларусь признает приоритет только общепризнанных принципов международного права. Из этого следует, что в уголовном процессе прямое действие имеют лишь принципы международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, а все иные положения международных договоров могут применяться только в прямо предусмотренных УПК случаях. Однако ч. 2 ст. 3 УПК не содержит ссылок на международные договоры, поэтому их нормы, определяющие юрисдикцию государств, не могут применяться в уголовном процессе Республики Беларусь, что существенно ограничивает и искажает экстерриториальные пределы действия уголовно-процессуального закона.

Таким образом, необходимо в ч. 2 ст. 3 и п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК внести изменения, направленные на устранение вышеуказанных недостатков правового регулирования экстерриториальной уголовно-процессуальной юрисдикции. Нормы, определяющие экстерриториальную юрисдикцию, могут отвечать требованиям международных договоров и нормотворческой техники только в том случае, если в них будут указаны наиболее общие и важные объекты и территории, в пределах которых уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь подлежит применению, а для соответствия международному праву в остальных случаях в таких нормах должна содержаться ссылка на международные договоры.

УДК 343.983.22

А.Н. Матлак

СУБЪЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Существует несколько мнений относительно круга субъектов судебно-экспертной деятельности. Р.С. Белкин указывает, что субъектами судебно-экспертной деятельности являются помимо судебного эксперта следователь и судья; Н.П. Майлис определяет в качестве субъектов судебно-экспертной деятельности лиц и органы, которые назначают экспертизу, а также судебных экспертов и судебно-экспертные организации.

Т.В. Аверьянова отмечает, что субъектом всякого, в том числе экспертного, исследования выступает только непосредственный исполнитель, осуществляющий это исследование, т. е. судебный эксперт. Не вызывает сомнений правильность такой точки зрения, поскольку непосредственно исследование – судебную экспертизу – не может проводить никто, кроме эксперта.

А.И. Швед считает, что субъектами судебно-экспертной деятельности являются судебный эксперт, руководитель судебно-экспертной организации, судебно-экспертная организация, специалист, не имеющий квалификации судебного эксперта, но обладающий какими-либо специальными знаниями.

Бесспорно, что, если рассматривать судебно-экспертную деятельность исключительно в рамках функционирования судебно-экспертных организаций и входящих в их состав экспертов, перечень субъектов ограничивается тремя вышеуказанными участниками и точка зрения А.И. Шведа абсолютно верна и корректна. Однако если принять во внимание, что закономерности, лежащие в основе формирования предмета любой судебной экспертизы, формируются не только в пределах непосредственного проведения экспертных исследований, но и в процессе собирания доказательств, их оценки с точки зрения допустимости для дальнейшего использования в доказывании, в подготовке и назначении судебной экспертизы, а также в оценке результатов выполненного исследования, то круг субъектов судебно-экспертной деятельности представляется значительно шире.

Так, следователь или лицо, производящее дознание, в соответствии со ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь вправе присутствовать при проведении экспертизы, что позволяет непосредственно наблюдать процесс экспертного исследования, при этом не вмешиваясь в работу судебного эксперта, не навязывая выбор методики исследования объектов, последовательности действий эксперта и т. д. Тем самым обеспечивается один из принципов судебно-экспертной деятельности – независимости судебного эксперта.

Следует отметить, что взаимодействие следователя (лица, производящего дознание) со специалистом судебно-экспертного органа также строится в рамках правового поля, определенного уголовно-процессуальным законом, однако при участии специалиста в производстве следственных действий (в первую очередь осмотра места происшествия) его деятельность носит отличный от проведения экспертизы характер: специалист обязан подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс. При этом следователь осуществляет единоличное руководство всеми участниками следственного действия, а специалист помогает следователю сориентироваться в обстановке происшествия и уяснить его механизм, оказывает помощь в выявлении, фиксации и изъятии следов, обращает внимание следователя на обстоятельства, связанные с поиском и обнаружением следов и вещественных доказательств, дает пояснения по поводу выполняемых им действий.

Взаимодействие судебного эксперта и суда также чаще всего осуществляется в процессуальной форме и выражается в назначении и проведении судебной экспертизы в ходе судебного заседания, а также в допросе эксперта по данному им заключению как в ходе досудебного производства, так и в рамках судебного заседания. При этом эксперт, являясь полноценным участником судебного заседания, может принимать участие в формулировании вопросов, давать пояснения о возможности проведения экспертных исследований прямо в суде или необходимости ее проведения в лабораторных условиях.

Не менее важным, а часто и решающим для проведения судебной экспертизы на высоком уровне является взаимодействие следователя (лица, производящего дознание) и суда как субъектов судебно-экспертной деятельности с экспертом, осуществляемое в непроцессуальной форме – при даче консультаций, получении рекомендаций и т. д. Судебный эксперт как сведущее лицо может оказать большую помощь следователю и суду при выборе назначения той или иной экспертизы, освещении ее возможностей, обосновании качественного и количественного состава представляемых материалов для ее проведения, формулировании задания эксперту.

По сути, эксперт может направить следователя и суд по правильному с точки зрения дальнейшей пользы для расследования пути по поиску и собиранию доказательств, изъятию и последующему представлению для исследования вещественных доказательств, которые помогут оперативно и полно уяснить картину происшедших в ходе преступления событий.

Оценка достоверности судебных экспертиз является еще одним аспектом взаимодействия субъектов судебно-экспертной деятельности. Как отмечает А.С. Рубис, природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки органу, ведущему уголовный процесс, приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от применяемых при оценке иных доказательств, что предъявляет определенные требования к органам, ведущим уголовный процесс, в части владения на достаточном уровне специальными знаниями в той или иной области науки.

Для проверки заключения эксперта с точки зрения его достоверности анализу подвергаются его соответствие формальным требованиям, внутренняя непротиворечивость и содержательная сторона проведенного экспертом исследования.

Именно оценка содержательной стороны заключения эксперта (корректность примененной методики экспертного исследования и ее достоверность) представляет наибольшую сложность для органов, ведущих уголовный процесс. По мнению А.С. Рубиса, для верной оценки содержания заключения эксперта, т. е. его достоверности в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, необходимо внедрить в систему обучения следователей и судей изучение основ экспертологии.

Таким образом, приведенные основные формы взаимодействия органов, ведущих уголовный процесс, и судебного эксперта, осуществляемые в процессуальной и непроцессуальной формах, различные взгляды ученых на данную проблему позволяют сформировать дифференцированный подход к пониманию понятия субъекта судебно-экспертной деятельности – в широком и узком смыслах. Так, в широком смысле мы предлагаем считать субъектами судебно-экспертной деятельности лицо (орган), осуществляющее собирание вещественных доказательств, подготовку и назначение судебной экспертизы и оценку достоверности заключения эксперта; специалиста, оказывающего содействие в собирании вещественных доказательств, а также судебного эксперта, выполняющего в установленном порядке в соответствии с методиками криминалистического исследования судебную экспертизу. В узком смысле круг субъектов судебно-экспертной деятельности составляют судебный эксперт, руководитель судебно-экспертной организации, судебно-экспертная организация и специалист, не имеющий квалификации судебного эксперта, но обладающий какими-либо специальными знаниями, т. е. лица и органы, осуществляющие непосредственную деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций.